

vzaimodejstvie jazykov i kul'tur: sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ulan-Udje: VSGUTiU, 2015. S. 55–60.

4. Kitajskie lekarstva [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.gammapharm.com/index.php/spravochnik/item/12-desmodium-styracifolium>.

5. Kitajskie lekarstva [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.raiskysad.ru/catalog/medicine/chinese_medicines.for.

6. Krasnyh V.V. Kul'tura, kul'turnaja pamjat' i lingvokul'tura: ih osnovnye funkcii i rol' v kul'turnoj identifikacii // Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovanija Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. 2012. № 3. S. 67–74.

7. Liu Czjepjen. Obshhie znanija po kul'ture Kitaja. 中国文化常识. Pekin, 2006.

8. Simvolika cveta v Kitae [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.witchmirror.ru/Mif/China/simb-color.htm>.

9. Cifry v Kitae [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.vchae.com>.

10. Shmeleva O. D. Krasota i zdorov'e v sovremennoj kosmeticheskoj i farmacevticheskoj mediareklame kak intensiviruemye adresantom potrebnosti adresata // Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovanija Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. 2015. № 23. S. 89–95.

Linguistic cultural features of the names of Chinese medications

The article deals with the linguistic cultural features of the names of Chinese medications. The author suggests the classification of medication names in the Chinese linguistic culture that reflects the most significant components included into its names.

Key words: *language, culture, linguistic culture, name, Chinese medications.*

(Статья поступила в редакцию 18.03.2016)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М. Ч. ЛАРИОНОВА
(Ростов-на-Дону)

«ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР» СОВРЕМЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ВЗГЛЯД НЕ-ВОСТОКОВЕДА*

Сравнительный метод обнаружил недостатки в связи с глобализацией. Однако в эпоху преодоления отечественным литературоведением «европоцентризма» он в сочетании с герменевтикой и рецептивной эстетикой оказывается наиболее актуальным в изучении восприятия русской литературы на Арабском Востоке. На примере творчества А.П. Чехова показано, как происходит «адаптация» личности и творчества русского писателя к арабскому культурному сознанию.

Ключевые слова: *сравнительный метод, рецептивная эстетика, герменевтика, Чехов, Арабский Восток.*

Сравнительное литературоведение – одно из старейших направлений в российской филологической науке, которая уже в момент своего формирования (вторая половина XIX в.) признала невозможность постижения одной культуры, пусть даже собственной, без сопоставления с другими, близкими или далекими. Основное внимание исследователей было сосредоточено как на типологических сходствах литератур, так и на их генетическом родстве.

К концу XX в. в связи с глобализацией в области сравнительного литературоведения возник некоторый перекокс: «Особенное принесено в жертву общему. Такова – на ее пределе – тенденция современной политкорректности, прямолинейной культурной уравниловки, для которой равенство едва ли не предполагает стирание любой индивидуальности. <...> Всякое “свое” подозревается в том, что

* Статья подготовлена в рамках темы бюджетного финансирования ИСЭГИ ЮНЦ РАН «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

оно может проявить себя как “чужое”, то есть враждебное» [9, с. 35].

Однако в последние годы в российских университетах появилось много аспирантов из арабских стран, что позволило обновить и расширить возможности компаративистики за счет восточного вектора. Российская филологическая арабистика всегда была делом немногих, владеющих арабским языком. У остальных литературоведов именно сейчас появилась замечательная возможность заняться сравнительным изучением русской и арабских литератур, соединив родной язык аспирантов с аналитическими навыками их руководителей, поскольку литературоведения в нашем смысле во многих арабских странах не существует. И здесь обнаруживается еще одно, очень современное, свойство сравнительного метода: он оказался особенно актуальным в условиях поликультурного мира, диалога Востока и Запада, между которыми располагается Россия и частью которых она является, взаимодействия народов с разной ментальностью. В сравнительном методе оказывается востребованным тот аспект, который связан не с заимствованиями, не с многочисленными фактами параллелей, а с изучением восприятия личности и творчества писателя в иноэтничной и иноязычной среде. Элементы сравнительного метода позволяют понять динамику литературного движения и формирования художественных ценностей как в арабских странах, так и в России.

Одна из основных посылок сравнительного метода – мысль о единстве и закономерности мировых литературных и общественных процессов. При всем отличии социально-исторических условий арабских стран XX–XXI вв. от России рубежа XIX–XX вв. интерес к русской литературе и ее востребованность арабской культурой свидетельствуют об их равноценности со стадийной точки зрения. А выявление стадийно-типологических аналогий – важная задача сравнительного метода наряду с анализом международных взаимодействий литератур.

Эти взаимодействия, по мнению Н.И. Конрада, могут изучаться следующим образом: выявление связей между разными литературами, выяснение их причин и характера, раскрытие последствий этих связей для отдельных литератур и мирового литературного процесса [7, с. 310]. При этом в центре внимания оказывается, по убеждению Н.И. Конрада, «своя», в нашем случае – русская литера-

тура. Тот факт, что исследовательский тандем, о котором говорилось выше, соединяет разные культуры, усиливает его позиции, поскольку он сам представляет собой пространство культурного диалога.

Всякое взаимодействие литератур закономерно и обусловлено. А.Н. Веселовский назвал это «встречным течением» [3]. Для того чтобы оно стало возможным, необходимо, чтобы аналогичные «тенденции (идеи и настроения, темы и образы) уже наличествовали в данной стране», – писал В.М. Жирмунский [6, с. 21].

Эту форму литературного взаимодействия П.А. Гринцер охарактеризовал так: «“Чужая” форма наполняется актуальным для воспринимающей литературы содержанием, а “чужое содержание” подается в более или менее привычной форме» [5, с. 48]. Адаптация русской литературы к арабскому культурному сознанию проявилась в специфическом отборе фактов биографий писателей, истолковании их произведений, создании переложений и обработок с перенесением конфликтов, событий и героев на местную почву. И здесь мы вступаем в область рецепции (восприятия и осмысления) и герменевтики (понимания).

Рецептивная эстетика как одно из приоритетных направлений современного литературоведения сформировалась в 60-е гг. XX в. [10]. Литературная рецепция как процесс эстетического восприятия предполагает в качестве конечного результата либо индивидуальную интерпретацию произведения (корректность которой во многом зависит от уровня литературоведческой компетентности реципиента), либо творческую трансформацию исходного литературного материала в нечто качественно новое.

Сразу оговоримся: теоретики рецептивной эстетики понимали под реципиентом человека той же культуры, того же уровня развития, что и воспринимаемый текст. В нашем случае речь идет о разных ментальностях, о разных уровнях восприятия литературы. Арабская литература в начале XX в. только обретала свое современное лицо, ее больше интересовали социальные, а не собственно художественные процессы. Поэтому из положений рецептивной эстетики нас в первую очередь привлекает мысль об историко-рецептивном анализе произведения, который проясняет его социально-историческую специфику бытования в инонациональной среде. Мы понимаем рецепцию, вслед за Яуссом, скорее как интерпретацию

литературного произведения в соответствии с эстетическим опытом и «горизонтом ожидания» читателя, как историю вхождения русской литературы в чужую культуру, как процесс исторического восприятия их смысла в чужой культуре.

Но смысл произведения, как отметил Ю.Б. Боров, исторически изменчив и зависит от принадлежности воспринимающего к той или иной рецептивной группе; опыт читателя имеет историческую, групповую и индивидуальную составляющие; ими определяется онтологический статус произведения – социальное положение, рейтинг, бытие в обществе [2, с. 22]. Основным критерий оценки произведения – общественная практика, формой которой является читательская реакция.

Из этого следует обращение к учению о понимании смысла литературного произведения как высказывания – к герменевтике. Главное понятие герменевтики – понимание. По Г. Гадамеру, понимание речи – это не сумма пониманий отдельных слов, а усвоение смысла всего высказывания. Применительно же к произведению искусства мало понять его смысл, надо быть затронутым этим смыслом [4]. Понимание одновременно интуитивно и рационально. Рациональное понимание и есть истолкование, интерпретация текста. Герменевтика видит в интерпретации перекодировку произведения, перевод его на другой язык. В нашем случае это не метафора. Понимание творчества русских писателей в арабских странах – это перевод на арабский язык и адаптация к другой знаковой системе культуры, когда толкуемые произведения и литературные факты преобразуются в воспринимающем сознании и становятся отличными от оригинала, одновременно теряя и приобретая смыслы. Так чужая культура «овладевает» русскими писателями, «присваивает» их себе.

В этом случае мы имеем дело в прямом смысле с «досотворением». Через такое «досотворение», множественность смыслов, их редукцию и добавление происходит углубление русского понимания писателя и национально-своеобразия русской литературы как мета-высказывания. Русская и арабская литературы вступают в диалогические отношения, формой которых, согласно М.М. Бахтину, является не только спор, но и согласие. В таком диалоге читатель (критик, писатель) делает «чужое» «своим», получает возможность духовно обогатиться опытом другой культуры и выразить себя [1].

Литература народов Востока в Средние века развивалась не только параллельно с европейской, но и шла впереди. К рубежу XIX–XX вв. положение изменилось, поскольку страны Востока «оказываются выключенными из процесса буржуазного развития, становясь в дальнейшем объектом колониальной эксплуатации» [6, с. 69]. Революция 1917 г. привела к тому, что в арабских странах появилось множество российских эмигрантов, в то же время сами арабы внимательно следили за событиями в Советской России.

Колониальная европейская политика в арабских странах этот интерес только поддерживала. Борьба за национальную независимость находила опору в социальном опыте СССР, авторитет которого на Арабском Востоке особенно вырос после победы в Великой Отечественной войне. Это вызвало и повышенный интерес к русской литературе, которая представила новые типы героев, отразила новые отношения в обществе. В арабской литературе появилась проза европейского типа, чему способствовали развитие переводческой деятельности и оценка переводных произведений.

Одним из самых популярных русских писателей во многих арабских странах стал А.П. Чехов. Общим местом в филологической науке стало утверждение об общечеловеческом характере творчества Чехова. Однако не до конца проясненным остается то, как понимается это общечеловеческое в разных концах земли, что именно чеховское «присваивают» себе разные народы. Естественно предположить, что на Востоке и Западе Чехова понимают по-разному. Самой своей биографией, темами своего творчества, демократизмом и гуманизмом Чехов понятнее арабам, чем европейцам, которые в основном видят в его произведениях тоску, рутину повседневной жизни, интеллигентскую рефлексиию.

Не вдаваясь в детали арабского критического освоения личности и творчества Чехова, отметим лишь его основные положения. Критики объясняют привлекательность произведений Чехова для арабов сходством тяжелых исторических и политических обстоятельств России XIX в. и ряда арабских стран XX в. Основные свойства чеховского творческого метода в арабских странах определяют так: реализм, демократизм, гуманизм, исторический оптимизм. Последний пункт – исторический оптимизм – может вызвать недоумение российского и европейского читателя. Даже в

ранних юмористических произведениях Чехова принято видеть иронию и сарказм, но никак не оптимизм. Что же говорить о поздних произведениях и особенно пьесах, где гибнут герои, вырубается вишневый сад и в результате провала коммуникации наступает тотальное одиночество?

Однако арабский критик цитирует Петю Трофимова из пьесы «Вишневый сад»: «Обойти то мелкое и прозрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали. Вперед! Не отставайте, друзья», – и говорит: «Разве можно назвать автора слов о высоких идеалах пессимистом? Мы уверены, что выразители таких высоких ценностей не могут быть пессимистами. Чехов был глубоко убежден в победе человека в этой борьбе с жизненными обстоятельствами. Мы можем смело утверждать, что Чехов был великим оптимистом» (пер. с араб. А.Я. Аббасхилми) [8, с. 19].

Биография русского писателя в арабских странах тоже воспринималась избирательно. На первый план в ней вышла тема тяжелого детства Чехова, грозного и жестокого отца, подвергающего детей телесным наказаниям. Скорее всего, эту информацию арабские критики почерпнули из советских работ о Чехове, написанных в духе вульгарного социологизма, который господствовал в литературоведении в 40–50-е гг. XX в. Однако она оказалась близкой и понятной патриархальному арабскому обществу. Акцентировалась и тема бедности Чеховых, также близкая иракским или сирийским читателям. Действительно, семья жила небогато, и неудачливый купец П.Е. Чехов разорился; действительно, он поднимал руку на детей, но это очень одностороннее изображение чеховского детства. Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с письмами Чехова брату Александру, который, с одной стороны, часто вспоминал детские обиды на отца, а с другой, тоже был склонен к жестокому обращению со своими детьми. Антон часто упрекал его и за то, и за другое.

Отклик у арабских критиков и читателей в произведениях Чехова нашла тема, которую в российском литературоведении называют «темой маленького человека». Под «маленьким» они понимали социально-обездоленного человека, тогда как смысл этого явления у Чехова иной. В русской литературе сложились две линии темы «маленького человека» – условно говоря, «пушкинская» и «гоголевская». «Го-

голевская», которую потом продолжил и развил Ф.М. Достоевский, – это сострадание к униженному и оскорбленному герою. «Пушкинская», которую потом продолжил и развил Чехов, – это ирония над героем, которому не удалось выдать себя за раба, который живет в плену социальных условностей и стереотипов, как пушкинский стационный смотритель Самсон Вырин. Рассказ Чехова «Смерть чиновника» имеет пародийный смысл по отношению к «Шинели» Н.В. Гоголя. Герои у Чехова будто поменялись местами: жертвой оказался не мелкий чиновник, а генерал.

Однако арабская культура берет у Чехова то, что более всего согласуется с условиями национальной среды. Все, что не согласуется, остается непонятым и невостребованным. В то же время Чехов наделяется тем, чего у него, на взгляд российской науки, нет или что второстепенно: революционность, наличие общих идей, сострадание к униженным и оскорбленным. Но даже второстепенные, эти общественные и художественные идеи присутствуют в чеховском творчестве, и влияние на другую культуру позволяет оценить их в полной мере.

Понимание процессов освоения и «присвоения» русского художественного наследия в арабских странах – это вглядывание русской литературы в саму себя, саморефлексия, которая может осуществиться только в сопоставлении «своего» и «иного». И в этом заключаются актуальность и современность сравнительного литературоведения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989.
4. Гадамер Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 255–265.
5. Гринцер П.А. Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада. М.: РГГУ, 1997.
6. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. 493 с.
7. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966.
8. Хасбак Ш. Антон Чехов. Багдад: Эльтакафа Эльджадида, 1954.
9. Шайтанов И.О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – ди-

алог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 35–42.

10. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

* * *

1. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva*. M.: Iskustvo, 1979.

2. Borev Ju.B. *Jestetika*. M.: Vyssh. shk., 2002.

3. Veselovskij A.N. *Istoricheskaja pojetika*. M.: Vyssh. shk., 1989.

4. Gadamer G. *Jestetika i germenevtika* // Gadamer G. *Aktual'nost' prekrasnogo*. M.: Iskustvo, 1991. S. 255–265.

5. Grincer P.A. *Jepohi vzaimodejstvija literatur Vostoka i Zapada*. M.: RGGU, 1997.

6. Zhirmunskij V.M. *Sravnitel'noe literaturovedenie*. L.: Nauka, 1979. 493 s.

7. Konrad N.I. *Zapad i Vostok*. M.: Nauka, 1966.

8. Hasbak Sh. *Anton Chehov*. Bagdad: Jel'takafa Jel'dzhadida, 1954.

9. Shajtanov I.O. *Triada sovremennoj komparativistiki: globalizacija – intertekst – dialog kul'tur* // *Voprosy literatury*. 2005. № 6. S. 35–42.

10. Jauss H.-R. *Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1995. № 12. S. 34–84.

“Eastern vector” of the modern comparative literature study: view of a non-orientalist

The comparative method revealed the drawbacks related to globalization. But in the epoch of “Europe centrism” overcoming in the domestic literature study it appeared to be, together with hermeneutics and receptive aesthetic, the most up-to-date in study of the Russian literature perception in the Arabic East. Based on the creative work by A.P. Chekhov, it is shown how a person and the creative work by a Russian writer “adapt” to the Arabic cultural thinking.

Key words: *comparative method, receptive aesthetic, hermeneutics, Chekhov, the Arabic East.*

(Статья поступила в редакцию 04.04.2016)

В.В. ПЕШКОВА
(Москва)

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА МАУРИЦА ХАНСЕНА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Описывается творчество прозаика М. Хансена, считавшегося крупнейшим писателем Норвегии на рубеже XVIII–XIX вв. Дается обзор наиболее значимых его произведений. Исследование показало, что Хансен смог совместить в своем творчестве как значимые литературные традиции XVIII в., так и современные автору тенденции. Его творчество имеет большое значение для становления норвежской литературы.

Ключевые слова: *норвежский роман, рассказ, М.К. Хансен, детективная проза, готическая проза.*

Мауриц Кристофер Хансен (1794–1842) родился в семье капеллана Карла Хансена, он был четвертым из семи детей. Его творческий дар развивался на рубеже XVIII–XIX вв., что позволило органично совместить в творчестве как тенденции современной ему литературы, так и традиции литературы XVIII в. В произведениях М. К. Хансена заметны черты реализма, но реализма XVIII в. и присущего романам таких авторов, как Г. Филдинг и Д. Дефо. Во многом именно сочетание «готической» традиции и «просветительского реализма» помогало писателю отражать свое отношение к необъяснимому, удивительному и пугающему, не поддающемуся контролю, как отмечал Бьёрн Тусдал в своей книге «Искусство рассказчика Маурица Хансена» (1988). После смерти писателя было опубликовано его собрание сочинений в восьми томах.

М.К. Хансен дебютировал как поэт в сборнике своего современника и друга Конрада Николая Шваха «Север» (Nord) со стихотворением «Жемчужина» (Perlen, 1815), свидетельствующим о его зрелости как писателя. Это стихотворение до сих пор публикуется в различных норвежских альманахах и поэтических сборниках в качестве примера лирической поэзии М. Хансена. Яркий дебют в «Nord» помог писателю издать свой собственный сборник «Художественные произведения» (Digtinger, 1816), в котором были опубликованы его первые рассказы.